

УДК 81'33

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АКТОВ НОМИНАЦИИ И РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА*М. А. Домрачев***DIE PROPOSITIONAL-RAHMENSIMULATION DER REPORTS DER NENNUNG-UND REDEGEDANKENTÄTIGKEIT DES NEUEN LINGUISTISCHEN GEGENSTANDES***М. А. Domrachev*

В статье приводятся результаты экспериментального исследования актов номинации не знакомого / мало знакомого лингвистического объекта носителем русского языка через построение пропозиционно-фреймовых структур, отражающих взаимодействие потенциала языковой системы с сознанием носителя языка в форме лингвокреативной деятельности последнего.

The article presents results of experimental investigation of nomination acts of new language objects, through the construction of a propositional-frame structures that reflect the interaction potential of a language system with knowledge of native speakers in the language creativity form.

Ключевые слова: пропозиция, фрейм, номинация, стереотип, метафора.

Keywords: proposition, frame, nomination, stereotype, metaphor.

Проблемы гносеолого-семиотического освоения реальности человеческим сознанием рассматривались с Античной эпохи Платоном, Гермогеном, Сократом и другими представителями философских школ. Большой вклад в изучение данного вопроса внесли работы К. Огдена и А. Ричардса, которые касались процесса взаимодействия различных компонентов слова, и позволили выполнить дифференциацию знака по структуре, представив различные компоненты в виде целостной системы. В современной русистике данным вопросам посвящен раздел ономазиологии. На сегодняшний день можно назвать таких крупных лингвистов и психологов, авторов работ в данной области, как Н. Д. Арутюнова, Б. А. Абрамов, А. Вежбицкая, Л. Выготский, В. Г. Гак, Н. Д. Голев, О. И. Москальская, Г. В. Колшанский, Е. Кубрякова, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев и другие.

Языковая номинация тесно связана с лингвокреативным моделированием реальности, так как с помощью средств языковой системы создается образ мира. Зарождение представлений о возможности моделирования реальности с помощью языковой системы связано с работами В. Гумбольдта, посвященными роли языка, определяющего то, как народ и отдельный его представитель воспринимают и интерпретируют окружающий мир. В русской лингвистической традиции его идеи были развиты в трудах А. А. Потебни, П. Флоренского, Г. Г. Шпета и других.

Э. Кассирер, Й. Трир, Э. Сепир, Б. Уорф, У. Л. Чейф, С. Пинкер рассматривают язык как призму, через которую человек видит окружающий мир. Проблема соотношения языка и окружающей действительности нашла свое отражение в работах представителя аналитической философии Л. Витгенштейна. В начале своей карьеры он придерживался взглядов, согласно которым: «Имя обозначает объект. Объект – его значение... На первый взгляд, предложение – как оно, например, напечатано на бумаге, – не кажется картиной действительности, о которой в нем идет речь. Но и нотное письмо, на

первый взгляд, не кажется изображением музыки, а наше фонетическое (буквенное) письмо – изображением нашей речи. И все-таки эти языковые знаки оказываются даже в обычном смысле слова того, что они представляют» [1, с. 24]. Как отмечает Р. Г. Авоян, в дальнейшем Витгенштейн рассматривал язык как «... нечто сложное, обладающее своей особой логикой, которую мы не всегда понимаем правильно, совокупность конкретных речевых актов в определенных сферах процесса практической деятельности, которым не присущи какие-либо общие закономерности, соответствующие всеобщим логическим формам человеческого мышления» [2, с. 35]. В «Философских работах» Витгенштейн говорит о языке как об игре, а о значении слова, как его употреблении: «Для большого класса случаев – хотя и не для всех, – где употребляется слово «значение», можно дать следующее его определение: значение слова – это его употребление в языке... Не ищите смысл, ищите употребление» [3, с. 99, 174]. На основе таких характеристик речи, как конкретность, индивидуальность, ситуативность, вариантность Л. Витгенштейн построил концепцию «языковых игр». Правила «языковой игры» напрямую определяются той ситуацией, в которой происходит функционирование языка, а также особенностями мышления и общения его носителей. Следовать правилу, значит подчиняться социальной команде по употреблению того или иного компонента языковой системы. Таким образом, использование слов превращается в привычку, контролируемую и формируемую прежде всего социальными институтами и группами. Игры могут различаться как по значениям лексем, так и по грамматическим правилам: «Представь себе многообразие языковых игр на таких вот и других примерах: – Отдавать приказы или выполнять их; – Описывать внешний вид объекта или его размеры; – Изготавливать объект по его описанию (чертежу); – Информировать о событии; – Размышлять о событии; – Выдвигать и проверять гипотезу; – Представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах; – Сочинять рассказ и

читать его; – Играть в театре; – Распевать хороводные песни; – Разгадывать загадки; – Остричь; рассказывать забавные истории; – Решать арифметические задачи; – Переводить с одного языка на другой; – Просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить» [3, с. 89]. Однако употребление, превращенное в привычную необходимость, ограничивает возможности использования и потенциал слов. В связи с этим Витгенштейн отмечает: «Я предлагаю предположить и даже изобрести другие способы его использования. Я выдвигаю возможности, о которых вы никогда и не думали. Думаете, что есть одна, максимум две возможности. Я предлагаю вам подумать о других. Более того, я доказываю, что абсурдно ждать, что понятие приспосабливается к таким тесным возможностям» [3, с. 186].

С нашей точки зрения, исследования Л. Витгенштейна правил и принципов употребления языка выявили две доминантных тенденции в практике использования языковых единиц человеком. Мы вполне можем говорить о типах обработки информации языком, поступающей из внешнего мира в сознание носителя языка. Как отмечал Витгенштейн, употребление в соответствии с правилами и нормами, которые приняты в конкретном социуме, сильно ограничивают потенциал как человеческого сознания (творческого начала), так и языковой системы. При этом возникает ситуация, при которой привычки и правила употребления могут вступать в конфликт с динамично меняющейся реальностью.

Платон, Д. Беркли, А. Мейнонг, А. Кожбицкий, А. Рапопорт, С. Хаякава, С. Чейз, Ж. Бодрийяр делают акцент на парадоксальном несоответствии между образом мира, который создается в сознании человека с помощью языковой системы, и реальностью, считая, что язык или символ, такой термин употребляет Э. Кассирер, является причиной так называемого «ухода» человека от реальности в виртуальный мир грез, фантазий и эмоций. Таким образом, человек оперирует не реальными предметами, а лишь знаками, которые имеют косвенное отношение к предметам или же теми, которые полностью потеряли связь с референтом. На первое место выходит не передача данных о предмете, то есть рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизирующего скорее аффективные коннотации.

С развитием кибернетики в XX веке произошло переосмысление миромоделирующей функции языка. Дж. Лили, Фон Фостер, Г. Бейтсон, Р. Эшби, Т. Лири, М. Стюарт, С. Эш, Л. Фестингер, Р. Дж. Лифтон рассматривали человека как некий биокomпьютер, а сознание – в качестве его программы. При этом язык понимался не только как призма, через которую индивид воспринимает мир, а как программа действий этого индивида, формирующая его характер, выступающая причиной совершения поступков.

Эпоха информационных технологий, принеся огромные и бесконтрольные объемы различной информации, еще больше сократила возможности познания и творчества для рядового человека. Следование правилу использования слов сделало стерео-

типный тип познания окружающего мира доминантным. В XX веке американский журналист У. Липпман употребил типографский термин «стереотип» (текст отливается в застывшие формы стереотипа, чтобы потом быть тиражированным много раз) для обозначения важного элемента общественного мнения. Любой стереотип формируется под воздействием двух факторов: бессознательной коллективной переработки информации и индивидуально-коллективной социокультурной среды, а также при целенаправленном идеологическом воздействии с помощью СМИ. Социальные группы, в которых находятся люди, превращаются во внешний мир человека, функционирующий по законам, которые сильно отличаются от природных. Индивид не в состоянии познать окружающий мир в его колоссальном объеме, поэтому большинство информации о нем он получает из социума, используя свои многочисленные каналы и связи. Эта ограниченность дополняется и неискоренимой способностью человека принимать в качестве реальности не то, что ею является, а то, что он считает реальным: «...мир отчасти становится таким, каким его представляют... их собственные плохие привычки по-прежнему будут вводить их в заблуждение... если нечто остается верным дольше, это значит, что оно остается верным дольше чего-то другого, что остается верным не так долго» [4, с. 169]. Т. Лири также отмечает факт иллюзорности многих убеждений людей: «...Все наши убеждения – это фильтры, ограничивающие более глубокое понимание» [4, с. 7]. Однако у сознания человека не остается другого выхода из создавшейся ситуации. Находясь в одной или нескольких социальных группах, индивид вынужден считаться с теми целями и задачами, а также традициями и, что самое важное, взглядами, которые в них существуют. Это не означает того, что индивидуальность человека полностью стирается. Все зависит от нескольких факторов: культурная среда, индивидуальные психологические особенности человека. Большинство информации мы получаем из социальной реальности, а не при непосредственном контакте с фактами и участием в событиях: «Именно в рамках социальной сети идеи, усваиваемые при чтении, услышанные на лекциях и в разговорах, унифицируются, классифицируются, принимаются, отвергаются, оцениваются и санкционируются. Именно здесь формируются окончательные решения, какие авторитеты и какие источники информации допустимы, а какие нет» [6, с. 69].

Однако кроме стереотипного типа анализа и интерпретации информации существует еще один, который связан с «другими способами использования понятия» [2, с. 186]. Это метафорический тип. Данный механизм сознания человека проявляется в первобытную эпоху. Н. В. Крушевский: «Для младенческого ума достаточно весьма ничтожное основание, чтобы связать две вещи – это можно считать общей формулировкой всех логических особенностей первобытного мирозерцания» [7, с. 27]. В. Г. Гак также отмечает факт связи метафоры с эволюцией человеческого мышления: «...в метафо-

рах сохраняются пережитки нерасчлененного смутного первобытного мышления человека, связывают метафорические переносы с недифференцированными понятиями, с генетически ранними этапами эволюциями мышления» [8, с. 12]. При этом оба объекта приобретают новые свойства, формируя синтетическую сущность. Механизм метафоры не только способствует социальному развитию человека посредством коммуникации и идентификации. Скорее это можно интерпретировать в качестве результата ее функционирования. Метафора раздвигает границы познания не за счет простого увеличения количества информации, но посредством ее новой качественной обработки.

На сегодняшний день существует большое количество работ, посвященных феномену метафоры: Ю. Аллик, Н. Д. Арутюнова, М. Блэк, К. Бюлер, Е. М. Вольф, А. Вежбицкая, В. Г. Гак, С. С. Гусев, Д. Дэвидсон, Дж. Лакофф, Ю. И. Левин, Х. Ортега-и-Гассет, З. И. Резанова, П. Рикер, В. Н. Телия, А. М. Шахнорович, Ф. Уилрайт, Т. З. Черданцева, Т. Хелп и другие.

С точки зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора это то, что «...пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии... наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер» [9, с. 387].

Ричардс обращает внимание на процесс синтеза двух разных и иногда противоположенных вещей: «...Взаимодействие двух идей для порождения новой идеи, отличной от каждой из них» [10, с. 277]. А. М. Шахнорович говорит о том, что в результате взаимодействия появляется что-то принципиально новое: «В метафоре при сопоставлении двух содержаний продуцируется новое содержание, основой которого является мобилизация компонентов данных содержаний» [11, с. 111]. Аналогичной точки зрения придерживается и М. Блэк [12], говоря о том, что выражение типа человек-волк несет в себе не только новую информацию о человеке, но и новые характеристики волка.

Как отмечает Р. Солсо: «Когнитивная особенность метафорического мышления, заключающаяся в глубоком синтезе и перекомбинировании различных пластов информации, обеспечивает развитие человеческого сознания посредством качественных изменений его представлений о мире: «в каждом состоянии организм может усваивать некоторую конкретную входную информацию; она разрушает его и воссоздает вновь таким образом, чтобы он мог развиться в новое состояние» [13, с. 355].

Задачи нашего исследования заключаются в том, чтобы выявить и описать функционирование, отличительные признаки, типы лингвокреативного моделирования реальности носителем русской языковой ментальности, а также выполнить фреймово-пропозициональное моделирование актов интерпретации, полученных в ходе экспериментального исследования.

Различные методики когнитивного моделирования, включающие построение фреймов, выделения

пропозиций, концептуальных и ономастических структур направлены на обнаружение важных знаковых форм категоризации, обусловленных как системными связями внутри языка, так и экстралингвистическими факторами. В связи с этим важно отметить работы профессора Л. А. Араевой [14, 15], посвященные анализу словообразовательного типа, понимаемого как семантическая микросистема, построенная по принципу естественных категорий. Данное исследование позволило дать когнитивное описание различных видов полисемии, синонимии и производных слов, множественной мотивации и явления идиоматичности семантики дериватов. Данную тему разрабатывала в своих работах И. В. Евсеева [18]. П. А. Катыхов [16], С. В. Оленев, Ю. С. Паули занимаются разработкой проблемы множественной мотивации. А. Г. Антипов [17] в своих исследованиях использует методику моделирования на основе формальных прототипов, описывая изменения в морфодеривационной структуре слова. К. М. Аносова исследует акты номинативной деривации в аспекте познавательной деятельности индивида на материале психолингвистических экспериментов, с детальным рассмотрением роли ассоциации в процессе познания новых слов: «...ментальное функционирование форманта представляет собой стратегию выбора ассоциативных опор, в соответствии с которой ориентация на форму грамматической категоризации (морфемную последовательность) имеет номинативное значение» [19, с. 11]. Т. Ю. Сазонова [20] осуществляла моделирование процессов идентификации слова человеком с точки зрения психолингвистического подхода.

В ходе исследования испытуемым предлагалось описать предмет, опираясь на его незнакомое название. В данном эксперименте респонденты были поставлены в ситуацию «свободной» интерпретации, так как никаких дополнительных условий ответа не было. Предлагаемые в анкете знаки не поддерживаются напрямую каким-либо внешним контекстом, хотя, как покажут последующие ассоциации на эти слова, роль контекста в их осмыслении достаточно велика. С помощью простого ассоциативного эксперимента выявляются когнитивно-психологические особенности взаимодействия слова и индивидуального языкового сознания человека. Главной целью нашего эксперимента был анализ типологии познания окружающего мира человеческим сознанием. Для этого необходимо было выявить психологическую и языковую специфику реакции респондентов, проследить тенденции в выборе тех или иных фреймовых структур, а также провести корреляцию в зависимости от возраста респондентов, так как в нашем исследовании существовали две группы людей: 14 – 15 лет в количестве 40 человек и 18 – 21 год 40 анкетированных соответственно. В результате проведенного экспериментального исследования было получено около 600 интерпретаций 7 предметов.

Для моделирования человеческого сознания в ситуации анализа нового предмета мы использовали направленный ассоциативный эксперимент. Он состоит из 7 заданий. Каждое требует от респондента

описание предмета, используя его имя. В каждом задании по одному имени: космическая вода (1), горячий дождь (2), комариная плеснь (3), полная пустышка (4), жгучий пух (5), ведьмин студень (6), гремучие салфетки (7). Слова из заданий № 3, 4, 5, 6, 7 взяты нами из ранее проанализированного произведения А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» [21]. Остальные слова принадлежат автору работы. Семантически эти слова ничем не связаны. Их объединяет лишь то, что объектов, которые они обозначают, не существует.

Предложенные непривычные словосочетания слов, обозначающие по легенде некоторые неизвестные объекты, будут восприняты как своего рода метафорические сочетания. В этом случае могут быть следующие типы их толкования. Первый заключается в том, что на первый план выйдет наиболее знакомый компонент или образ, который затмит собой остальную информацию об объекте: «...объяснение метафоры относится к одному основному субъекту метафоры, второй же член метафорической пары как бы не замечается» [11, с. 114]. Это объясняется особенностями строения и функционирования различных фреймов: «В простых случаях все достаточно ясно: некоторые фреймы легко идентифицируются как сходные в силу того, что их терминалы присоединяют объекты одних и тех же видов. Эти фреймы могут быть обнаружены и объединены с помощью простого алгоритма, например алгоритма поиска оптимального соответствия» [22, с. 292]. Поэтому человек, пользуясь доступной информацией об объекте, просто перебирает похожие по избранному признаку предметы: «Что, если человек столкнулся с ситуацией, которая не активирует ни одного из имеющихся фреймов? Скорее всего, в этом случае имеет смысл прибегнуть к какому-то общему методу, состоящему, например, в сопоставлении данной ситуации с некоторым широким набором фреймов и выборе наиболее подходящего из них» [22, с. 293].

Возможен вариант, при котором человек выделяет два предмета, но ему не удастся соединить их в своем представлении: «Интерпретации, в которых восстанавливаются два субъекта смысловой структуры метафоры (основной и вспомогательный), но не восстанавливается общий признак...» [11, с. 114].

Наконец, третий тип восприятия метафоры заключается не только в выделении двух предметов с их функциями, но и соединением их в третьем предмете, имеющим их некоторые характеристики, а также оригинальные черты: «Интерпретации, в которых уже частично передается переносное значение метафоры; предмет метафоризации характеризуется через разъяснение «чужого» признака, хотя вспомогательный субъект метафоры (настоящий носитель этого признака) в интерпретациях вербально не присутствует» [11, с. 116]. С точки зрения А. М. Шахнаровича: «Интерпретации, представленные в пунктах 3 и 4, на наш взгляд, отражают переход к подлинному схватыванию метафорического значения» [11, с. 117]. Объяснение, почему были выбраны именно эти признаки для синтеза объектов,

с точки зрения Минского не имеют алгоритмизированного объяснения: «В более тонких случаях, при озарениях, которые случаются раз в жизни, силы аналогии кроются в глубине действующих процедурных структур. Здесь нет необходимости в общей теории, поскольку — подобно полезным эволюционным мутациям — такие озарения посещают отдельных конкретных людей и только потом сформировавшаяся идея получает распространение через культуру» [22, с. 292].

В анализе результатов экспериментального исследования мы будем использовать метод представления интерпретаций реципиентов в форме фреймовых структур, соединенных с помощью пропозиций.

Существуют несколько моделей процессов, связанных с конструированием содержания: Ф. Джонсон-Лэрда [23], Г. Скрэгга [24], У. Л. Чейфа [25]. Последний вариант мы рассмотрим подробнее. Чейф представляет процесс создания содержания в контексте коммуникативного акта, выделяя такие этапы, как: «расчленение эпизода на подэпизоды», «пропозиционализация», «категоризация». Любую информацию человеческое сознание разделяет на составляющие компоненты или части, образуя тем самым структуру, которая организуется иерархически (этап выбора пропозициональной структуры), так как он выделяет те области объекта и их роли, которые, с его точки зрения, являются наиболее важными. Каждая единица информации, образовавшаяся в результате декомпозиции объекта, представляет определенную категориальную структуру со своим набором прототипичных членов, организующих ядро категории, и периферийную область. Соответственно, на данном этапе важна роль категориальных отношений между выделенными компонентами объекта.

В результате проведения эксперимента в возрастной группе 18 – 20 лет (студенты) были выявлены следующие результаты и закономерности. Из 297 единиц, полученных в ходе анализа объектов, было установлено, что преобладающим типом лингво-креативного моделирования действительности является стереотипный (193) – при котором построение фрейма, описывающего объект, происходит на основании одного компонента предмета через соотнесение его с наиболее актуальным в сознании человека стереотипом. В этом случае остальные области предмета переходят в разряд «слепых пятен» и не принимают активного участия в познании объекта, несмотря на свою потенциальную важность. В некоторых случаях они могут выступать в роли так называемых маркеров, условий терминалов, частично определяющих направление интерпретации.

Метафорический тип лингво-креативного моделирования, выделяемый по структуре фрейма, ориентированной на соотношение > 1 компонентов предмета, обнаружено в 23 единицах.

Явление неоднозначности, ситуацию, когда человек не может сделать выбор в пользу той или иной интерпретации предмета, обнаружено в 14 единицах.

Нарушение механизма номинации предметов выявлено в 82 единицах.

Проанализировав количество предметов с выявленными угрозами или положительными качествами в метафорическом типе, обнаружилась следующая закономерность: 30 % единиц, имеющих оценку потенциальной опасности / полезности, и 70 % такой оценки не имеющих.

В стереотипном типе лингво-креативного моделирования реальности из 193 единиц лишь 35 % имеют подобную оценку и 65 % ее не имеют.

Во второй возрастной группе 14 – 15 лет (старшие школьники) выявлены следующие результаты и закономерности. Из 314 единиц, полученных в ходе анализа объектов, установлено, что преобладающим типом лингво-креативного моделирования действительности является стереотипное (225 единиц) – при котором построение фрейма, описывающего объект, происходит на основании одного компонента предмета через соотнесение его с наиболее актуальным в сознании человека стереотипом. В этом случае остальные области предмета переходят в разряд «слепых пятен» и не принимают активного участия в познании объекта, несмотря на свою потенциальную важность. В некоторых случаях они выступают в роли так называемых маркеров, условий терминалов, частично определяющих направление интерпретации.

Метафорический тип лингво-креативного моделирования, выделяемый по структуре фрейма, основанной на соотношении > 1 компонентов предмета, обнаружен в 35 единицах.

Явление неоднозначности, ситуацию, когда человек не может сделать выбор в пользу той или иной интерпретации предмета, обнаружено в 13 единицах.

Нарушение механизма номинации предметов выявлено в 42 единицах. При этом существует следующая дифференциация: пропозициональный радикал, заключающийся в перестановке компонентов предмета, найден в 11 единицах, отсутствие любой интерпретации – в 29, отрицание существования объекта – в 2 единицах.

Если проанализировать количество предметов с выявленными угрозами или положительными качествами в метафорическом и стереотипном типах, то обнаружится следующая закономерность. Из 35 единиц первого типа 16 имеют отрицательную оценку как несущие угрозу для человека, 3 оценены как положительные и 16 не имеют оценки данного типа. В процентном соотношении это равно 65 % единиц, имеющих оценку потенциальной опасности / полезности и 35 % такой оценки не имеющих. В стереотипном типе лингво-креативного моделирования реальности из 225 единиц лишь 40 % имеют подобную оценку и 60 % ее не имеют.

Следовательно, первый тип лингво-креативного моделирования реальности позволяет более объективно и целостно воспринимать новую информацию за счет фреймовой структуры, состоящей из > 1 компонента предмета. Данное состояние, являясь более гибким, позволяет при дальнейшем анали-

зе исключить характеристику опасности для человека, что невозможно в случае со стереотипным типом, так как доминирование только одной области предмета делает невозможным ее исключение без разрушения сложившегося образа объекта.

Результаты экспериментального исследования свидетельствуют о том, что человеческое сознание выработало определенный механизм для анализа и восприятия новой информации, схожий с механизмом метафорического переноса. Это не значит, что необходимо трактовать предложенные респондентам единицы как метафоры, а успешность или ошибочность их точки зрения на эти объекты воспринимать в качестве какой-либо оценки их интеллектуальных способностей. Уникальность метафоры не заключается в ее формальной представленности в виде совокупности слов в рамках контекста. Процесс познания неизвестного с помощью соединения ранее несопряженных единиц языка и образов сознания, который мы наблюдали лишь в нескольких случаях, является ярким примером абстрактного мышления человека, той фундаментальной способности, которая позволила виду «человек разумный» достичь высот цивилизации за короткий промежуток исторического времени.

В ходе психолингвистического эксперимента обнаружено несколько вариантов частичной перекombинации информации, при которой человек выделяет два предмета, но ему не удается соединить их в своем представлении в один, имеющих их некоторые характеристики, а также оригинальные черты: интерпретация первого объекта *как пищи или воды с необычными характеристиками для космонавтов* является самой распространенной в обеих группах. Существуют следующие трактовки данного объекта: вода из космоса, привезенная космонавтами, вода, которую пьют космонавты, грязная, вонючая вода в тубиках, вода в тубиках, которая летает, холодная и синяя вода из космоса, вода из космоса необычного цвета, вода с другой планеты, вода из космоса, привезенная космонавтами, вода цвета звездного неба, вода цвета расплавленного металла, находится в кратерах планеты, вода из космоса, и другие; трактовки второго объекта: теплый дождь, вода из чайника и другие; трактовки третьего объекта: лысина размером с комара, лысина комара, лысина, которую проели комары, маленькая плешь, комар, который не моет голову, комар без крыла, человек в годах с лысиной, тело, покрытое укусами комаров, рана после укуса комара, проблемы со здоровьем у комара, плешь у комара из-за укусов комара, и другие; наиболее популярными трактовками четвертого объекта являлись девушка с нулевым коэффициентом интеллекта (IQ), недалекий (возможны разные вариации пустой, глупый и т. п.) человек, глупая девушка, толстая, тупая женщина, пустой человек, умная блондинка, духовно не обогащенный человек, девушка с небольшим умом, девушка с минусовым интеллектом, без чувств, сердца, разума, человек, который не может сказать, что-то по существу, бездарный человек, тупой, но с деньгами, глупый человек, а также понятие соски для маленьких детей:

пустышка с молоком, пустышка, наполненная чем-либо, пустышка со слюнями младенца, бутылочка с соской, пустышка набитая ватой, толстая соска; трактовки пятого объекта: аллергия на пух, пух с перцем, горчицей, пух, который жжет, пух, который нагрелся летом, из-за высокой температуры, пух из подушки, пух от тополя, пух с перцем, пух, который жгут, недоброкачественный пух с колючими перьями, пух, который жжет, теплый пух, аллергия на пух, и другие; трактовки шестого объекта еда на Хэллоуин, еда, приготовленная ведьмой, холодец с магическими свойствами, холодец, приготовленный ведьмой, холодец, приготовленный из ведьмы, студень, приготовленный ведьмой, отравление чем-либо, отравление студень, вызванные ведьмой, холодец из ведьмы, холодец с ядом, и другие; трактовки седьмого объекта салфетки с гремучим звуком, салфетки, окрашенные в яркие цвета, салфетки из гремучей змеи, салфетки, пропитанные ядом змеи, салфетки с колокольчиками, салфетки с мусором или мелочью, салфетки с мусором, салфетки с мелочью, салфетки из твердого материала, когда вытирают руки гремят, салфетки с бубенчиками, пропитанные ядом, салфетки, которые кусаются, салфетки, которые постоянно роняют со стаканом, в котором они стоят, и другие.

В качестве примера третьего типа восприятия метафоры, который заключается не только в выделении двух предметов с их функциями, но и соединением их в третьем предмете, имеющим их некоторые характеристики, а также оригинальные черты, можно привести следующие ответы респондентов: трактовка первого объекта как замерзшие частички воды, находящиеся на Марсе, алкогольный напиток после употребления которого ты оказываешься в «космосе», вода, от которой улетаешь (в данном случае респондент имеет в виду состояние алкогольного опьянения), метеоритный дождь на далекой планете, жидкость в космическом пространстве не газ, не вода, комета; трактовка второго объекта как ситуация экологической катастрофы, в ходе которой выпадают радиоактивные осадки, душ (душевые – пыточные камеры, душевая кабина, душ с паром), атака огнем (имеется в виду применение каких-либо оружейных систем), пепел вулкана (либо огненный дождь на планетах с вулканами), водопад нагретый кипятильником, батарея, в которой утечка кипятка, пот в жару, дождь в долине гейзеров, пепел (горячие, черные хлопья) во время извержения вулкана, кислотные осадки, дождь в городе с АЭС; трактовка третьего объекта как болезни, буддийского монаха, злой и старый вампир, участки (прорехи) на одежде, шапка из комара; трактовка четвертого объекта как воздуха, растения, наполовину полный стакан; трактовка пятого объекта искры от огня, вещь, которая кажется не тем, что она на самом деле, колючее растение, зимние снежинки, пух-Казанова, ледяной снег, который обжигает замерзшие руки; трактовка шестого объекта растение, мороз, коктейль, желеобразное вещество в радиоактивной зоне, костюм, коктейль, растения, день студента, мороз жгучий, русский холодец, магическое

зелье; трактовка седьмого объекта женское платье для концерта, детские тарелочки, носовой платок, телефон, обернутый салфеткой. Побочный эффект данной методики познания, заключающийся в ломке устоявшихся представлений на различные сферы окружающей реальности, может привести к серьезным психологическим нарушениям человека, который использует ее бесконтрольно и безгранично.

Таким образом, аналитические возможности метафорического типа лингво-креативного моделирования реальности позволяют более объективно и адекватно воспринимать новую информацию. Знания о потенциальной угрозе, которую содержит объект, трудно обнаружить, используя стереотипные представления как основной гносеологический способ. Результаты эксперимента подтверждают тот факт, что использование метафорического типа, основанного на перекомбинации информации, позволяет обнаружить потенциальную опасность или гипотетическую полезность изучаемого объекта.

Противоположенностью данного типа лингво-креативного моделирования является стереотип. При функционировании стереотипного типа на первом плане находится наиболее знакомый компонент или образ, который нивелирует остальную информацию об объекте: «...объяснение метафоры относится к одному основному субъекту метафоры, второй же член метафорической пары как бы не замечается» [1, с. 114]. Остальная информация об объекте автоматически переходит в категорию «белых пятен».

Тем не менее стереотипный тип является важным фактором, поддерживающим каждодневное нормальное функционирование человеческого сознания в мире информации. Этот универсальный механизм упрощения и категоризации с выделением прототипических компонентов позволяет человеческому сознанию избегать многих парадоксов окружающей реальности. Примером, показывающим гипертрофированную функцию упрощения поступающей извне информации, являются факты нарушения механизма номинации предметов: *что-то странное, кто-то высоко реагирует на температуру дождя, отравление чем-либо, салфетки из чего-то тяжелого, пустышка, наполненная чем-то, что-то интригующее, но опасное* и тому подобные примеры.

Неспособность создать стереотипное представление об объекте, выражающееся в виде перемены мест компонентов объекта, либо отрицании его существования, свидетельствует об отсутствии развитых механизмов адаптации к новым условиям, вызванное некритическим отношением человека к знакомой информации: «...факты языка составляют для говорящих на данном языке часть их повседневного опыта и поэтому эти факты не подвергаются критическому осмыслению и проверке» [25, с. 172]. Это же отмечает и Т. Е. Васильева: «...стереотипность приобретает как бы обратное значение: она тормозит полноту ...информационного накопления путем активизации какой-то одной зоны психологических реакций...» [27, с. 357]. В то же время:

«...стереотипность является важной чертой интерпретации, благодаря которой осуществляется максимальное информационное накопление разнообразия образующихся в организме психологических комбинаций, получаемых в ответ на нескончаемую реактивность организма и воздействия на него раздражителей» [27, с. 357].

Таким образом, для нормального функционирования человеческого сознания, то есть адекватного восприятия окружающей реальности, необходима ситуация паритета, при которой большая часть информации находится в стереотипных категориях и прототипах, но существует механизм, который позволяет это знание трансформировать для различных гносеологических целей.

Литература

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн // Философские работы. – Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994.
2. Авоян, Р. Г. Значение в языке. Философский анализ [Текст] / Р. Г. Авоян. – М.: Высш. шк., 1985. – 103 с.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Философские работы. – Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994.
4. Бейтсон, Гр. Природа и разум [Текст] / Гр. Бейтсон. – Новосибирск, 2005.
5. Лири, Т. Технологии изменения сознания в деструктивных культах [Текст] / Т. Лири, М. Стюарт. – СПб.: Экслибрис, 2002. – 224 с.
6. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман. – М., 1972.
7. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию [Текст] / Н. В. Крушевский. – М.: Наследие, 1998.
8. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое [Текст] / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11 – 25.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387 – 415.
10. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44 – 68.
11. Шахнарович, А. М. К проблеме понимания метафоры [Текст] / А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева // Метафора в языке и тексте: сб. статей / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 108 – 119.
12. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153 – 173.
13. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология [Текст] / Р. Л. Солсо. – М.: Либерия, 2002. – 600 с.
14. Араева, Л. А. Словообразовательный тип в антропоцентрической парадигме (на материале языковой игры) // Русский язык: Теория. История. Риторика. Методика: материалы X филологических чтений памяти проф. Р. Т. Гриб. – Красноярск, 2005. – С. 27 – 31.
15. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема (суффиксальные субстантивы) [Текст] / Л. А. Араева. – Кемерово, 1994. – 223 с.
16. Катышев, П. А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы [Текст] / П. А. Катышев. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 130 с.
17. Антипов, А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских народных говоров) [Текст] / А. Г. Антипов. – Томск, 2001. – 188 с.
18. Евсеева, И. В. Словообразовательный тип как экспонент когнитивных процессов (на материале отсубстантивов с -ница) / И. В. Евсеева: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кемерово, 2000. – 217 с.
19. Антипов, А. Г. Акты номинативной деривации в аспекте познавательной деятельности индивида / А. Г. Антипов, К. М. Аносова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1. – Ч. 1. – С. 8 – 11.
20. Сазонова, Т. Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход [Текст] / Т. Ю. Сазонова. – Тверь, 2000. – 134 с.
21. Стругацкие, Аркадий, Борис. За миллиард лет до конца света. Улитка на склоне. Отел «У погибшего альпиниста»: повести. [Текст] / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М., 1996. – 464 с.
22. Минский, М. Структура для представления знания [Текст] / М. Минский // Б. Хорн, М. Минский, Й. Сираи, Д. Уолц, П. Уинстон. Психология машинного зрения. – М.: Мир, 1978. – 344 с.
23. Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения [Текст] / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1998. – С. 234 – 256.
24. Скрэгг, Г. Семантические сети как модели памяти. [Текст] / Г. Скрэгг // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С. 228 – 271.
25. Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. – М., 1983. – С. 35 – 74.
26. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 135 – 168.
27. Васильева, Т. Е. Стереотипы в общественном сознании [Текст] / Т. Е. Васильева // Реклама. Внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – М., 2001.